Варя Белова

УЛИКИ не ВЫБРАСЫВАТЬ!

Варя Белова

Улики не выбрасывать!

«Автор»
2026

Белова В.

Улики не выбрасывать! / В. Белова — «Автор», 2026

Софья Белова зарабатывает тем, что разбирает чужие шкафы. И никак не привыкнет, что вместе с ненужными вещами люди прячут опасные секреты.В домовом чате обещают разоблачение — и вскоре находят тело. На благотворительном вечере исчезает фамильная брошь. За театральными кулисами срывается премьера, а долгожданный отпуск превращается в историю с шантажом.Четыре самостоятельных расследования, остроумная Софья, её неугомонная подруга Катя, огромный пёс Пуговица и следователь Павел Миронов, с которым даже романтика иногда выглядит подозрительно.Продолжение «Улик на верхней полке». Можно читать отдельно.

© Белова В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Убийство в домовом чате 5
Глава 1. Добро пожаловать в дурдом 5
Глава 2. Не пишите капслоком! 9
Глава 3. Администратор покинул чат 14
Глава 4. Пятьдесят непрочитанных сообщений 18
Глава 5. Соседка с безупречной репутацией 21
Глава 6. Посылка не тому адресату 25
Глава 7. Кто поставил лайк покойнице? 29
Глава 8. В квартире напротив 32
Глава 9. Последнее предупреждение 35
Глава 10. Администратор больше не отвечает 40
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Варя Белова
Улики не выбрасывать!

Убийство в домовом чате

Глава 1. Добро пожаловать в дурдом

До этого понедельника я считала самым опасным предметом в подъезде сломанный доводчик. У нас дома из-за него успели поссориться три соседа и один курьер. Но домовой чат, как вскоре выяснилось, умел причинять неприятности без всяких дверей.

В восемь сорок семь утра мне пришло приглашение в группу соседнего дома.

«Уважаемая Софья Андреевна, срочно подтвердите своё согласие вступить в группу “Лесная, 18. Только по делу”».

Под ссылкой красовались три восклицательных знака. До первой чашки кофе я воспринимаю такую пунктуацию как разновидность угрозы.

— Кто тебе пишет? — поинтересовался Павел.

Он стоял у плиты в моей кухне, пытаясь приготовить омлет. Омлет посередине ещё плескался, а по краям уже напоминал старую афишу, забытую на солнце.

— По всей видимости, будущие работодатели. Или сектанты. Пока не разобралась.

— Вступай. Вдруг там выгодное предложение.

— Павел Алексеевич, меня пугает, как быстро ты стал легкомысленным.

Две недели назад мы наконец сходили в театр. Спектакль оказался хорошим, а наш вечер — ещё лучше. С тех пор Павел Миронов — следователь, с которым мы познакомились благодаря одному из моих заказов, — иногда оставался у меня до утра. Пуговица пока одобрял эти перемены только в те дни, когда ему перепадал сыр.

Пёс сидел возле плиты и наблюдал за омлетом с выражением человека, которому доверили судьбу отчизны.

— Не корми его со сковороды, — предупредила я.

— Я и не собирался.

— Он тебя слышал. Сейчас будет изображать обморок от голода.

Пуговица жалобно вздохнул. На такие выступления его и репетировать не приходилось.

Я открыла переписку с заказчицей. Я руководила небольшой фирмой «Лишнего нет»: мы разбирали чужие шкафы и кладовые, помогали с переездами. Накануне вечером мне позвонила Алёна Григорьевна Новикова, председатель совета многоквартирного дома на Лесной улице. В доме затеяли ремонт общих помещений. Требовалось разобрать кладовую на первом этаже, где за двадцать лет накопились банки, детские коляски и предметы неизвестного назначения.

— У нас проблема, — призналась Алёна.

— С чем именно?

— Жильцы не могут договориться, что выбрасывать.

Я слегка успокоилась: разбирать чужие ссоры мне приходилось едва ли не чаще, чем шкафы.

— Пришлите фотографии и список вещей, которые нужно сохранить.

— У нас нет общего списка. Поэтому мы хотели бы, чтобы вы вступили в чат.

Это предложение следовало отклонить сразу. Но я уже мысленно подсчитывала объём работы — и нажала на ссылку.

Телефон завибрировал. Потом ещё раз. Потом восемь раз подряд.

— Ничего себе, — заметил Павел.

На экране возникли сорок семь непрочитанных сообщений.

«Кто опять оставил пакет на подоконнике?»

«Это не пакет, это грунт для рассады».

«На подоконнике НЕ МЕСТО ГРУНТУ».

«А ваши велосипеды где стоят?»

«У МЕНЯ НЕТ ВЕЛОСИПЕДА».

«Вот и не надо нервничать».

И заключительная реплика от пользователя с именем «Елена С. Администратор»:

«Прошу придерживаться темы. Сегодня у нас профессиональная сортировка имущества. Всё, что не подписано, может быть утилизировано».

— Всё, — сказала я. — Ещё не вышла из дома, а меня уже готовы утилизировать.

Павел выключил плиту и поставил передо мной тарелку.

— Сначала позавтракай. Утилизация на пустой желудок переносится хуже.

* * *

Дом на Лесной, восемнадцать, оказался тринадцатиэтажным кирпичным зданием с выметенным двором и клумбой, где даже увядшие бархатцы выглядели дисциплинированными. На воротах висела табличка «Наш дом — наша ответственность». Под ней кто-то аккуратно дописал маркером: «Особенно за парковку».

Алёна Григорьевна ждала у входа. Невысокая женщина лет тридцати восьми, в строгом пальто и с планшетом в руках. Она говорила быстро, как человек, который привык зарабатывать секунды на каждом предложении.

— Софья Андреевна? Очень хорошо. Ключ от кладовой у меня. Вещи будем делить на четыре категории: оставить, передать владельцам, отдать на благотворительность и вывезти.

— Нормальный подход.

— Всё фотографировать. Никому ничего не отдавать без подписи. И главное — не спорить с Еленой Сергеевной.

— А кто это?

Алёна посмотрела на меня так, будто я спросила, кто такой Пушкин.

— Администратор чата.

— Понятно. И давно она администратор?

— С тех пор, как появился чат. Четыре года.

— Это выборная должность?

— В уставе так написано. Практически кандидат всегда один.

У консьержки в холле стояла крошечная искусственная ёлка, хотя до Нового года оставалось больше месяца. За столиком сидела пожилая женщина в очках, соединённых золотой цепочкой.

— Надежда Петровна, — представила Алёна. — А это Софья Белова, будет разбирать кладовую.

— Она-то хоть выбросит старое кресло? — спросила консьержка.

— Какое кресло?

— То, которое все называют чужим, но пятеро на нём сидят.

Я записала в блокнот: «Кресло — коллективная собственность при отсутствии коллективной ответственности».

Кладовая находилась за дверью напротив лифта. Помещение было небольшим, метров пятнадцать, но вещей в нём умещалось столько, что я заподозрила тайный вход на ещё один склад.

Слева громоздились лыжи и санки. Справа — коробки с новогодними украшениями. Посередине стояла сломанная коляска без одного колеса, а рядом — таинственная клетка, в которой, к моему облегчению, никого не было.

На стене висел старый план первого этажа. Кладовая соседствовала с узким служебным коридором, который выходил к лестнице и комнате для инвентаря уборщицы.

— Здесь ещё стеллаж для посылок, — пояснила Алёна. — Раньше курьеры оставляли крупные коробки в холле, потом Елена Сергеевна добилась отдельного места за решёткой, чтобы не мешали проходу.

— Кто открывает решётку?

— Консьержка. Иногда жильцы сами по коду.

— Удобно.

— Очень, если не считать жалоб. У нас то посылка перепуталась, то курьер не туда поставил, то кто-то за чужую расписался.

Я посмотрела на неё.

— Такие случаи часто?

— В последнее время чаще. Но это не ваша задача. Вы занимаетесь кладовой.

Я кивнула. Не всякая странность требовала немедленного расследования, хотя у меня с этим правилом складывались сложные отношения.

За спиной послышался решительный стук каблуков.

— Так. Значит, приступили без меня.

Женщина, вошедшая в кладовую, была высокой, прямой, в идеально выглаженной светлой блузке и с короткой укладкой, пережившей, судя по всему, не одну жизненную бурю. Выглядела она так, будто в прошлом году утвердила собственный день рождения протоколом собрания.

— Елена Сергеевна Гаврилова, — представилась она, не протягивая руки. — Я отвечаю за порядок.

— Софья Белова. Я отвечаю за сортировку.

Она оглядела мой блокнот.

— Надеюсь, никакой самодеятельности. У каждого предмета есть хозяин.

— Тогда мне понадобится список хозяев.

— Я составлю.

— Отлично.

— И все решения сначала согласовывать со мной.

Алёна у меня за спиной беззвучно втянула воздух.

— Как с председателем совета дома, — вежливо уточнила я, указывая на Алёну.

Елена Сергеевна сдвинула брови.

— В чате я администратор.

— Очень удобно. Но имущество всё-таки не в чате хранится.

Две секунды мы смотрели друг на друга.

За моей спиной звякнула выпущенная Алёной рулетка.

И тут из коридора раздался голос:

— Лена, я принесла тебе чай!

Вошла женщина в мягком лиловом кардигане, с круглым добрым лицом и небольшим термосом в руках. За ней тянулся запах ванильного печенья.

— Тамара Аркадьевна Самойлова, — сказала Алёна. — Наша палочка-выручалочка. Помогает пожилым соседям, принимает доставку, поливает цветы, когда люди уезжают.

— Ой, ну зачем так громко, — засмущалась Тамара. — Мы же все здесь свои. Софья Андреевна, вам печенье?

— Спасибо, после кофе с удовольствием.

Тамара достала из сумки контейнер. На крышке была наклейка с нарисованным колокольчиком.

— Только осторожно, с корицей. У нас Вера на девятом этаже на неё обижается, говорит, аллергия. А я всё равно иногда забываю.

Она улыбнулась так открыто, что я почти позавидовала жильцам: здорово, когда в подъезде есть человек, который помнит про твой день рождения и приносит чай. Про ключи от своей квартиры я, впрочем, пока не думала.

Елена Сергеевна печенья не взяла.

— Тамара, мне не до чая. Вечером собрание по ремонту. А этот вопрос с посылками я тоже подниму.

Улыбка Тамары едва заметно дрогнула.

— Опять?

— На этот раз с доказательствами.

— Лена, ты же знаешь, как Игорь переживает из-за всех этих обвинений. Не надо людей зря тревожить.

— Посмотрим, кого именно я тревожу.

Она развернулась и ушла.

Тамара постояла у двери ещё мгновение, потом защёлкнула крышку контейнера.

— Не обращайте внимания. Елена у нас человек принципиальный. Бывает, что слишком.

— Но без неё дом развалится? — предположила я.

— Ах нет, — засмеялась Тамара. — Дом крепкий. А вот нервы жильцов на последнем собрании уже начали осыпаться.

Когда она ушла, Алёна тихо произнесла:

— Я говорила, день будет интересный.

Я посмотрела на сугроб коробок, за которым скрывался стеллаж, и поняла, что пока мы обсуждали местное правительство, настоящая работа даже не началась.

* * *

К шести вечера я успела составить опись сорока трёх предметов, обнаружить две пары одинаковых детских коньков и убедиться, что загадочное кресло действительно никому не принадлежит. Мягкое сиденье ясно давало понять, почему никто не хотел признавать его своим и одновременно все им пользовались.

На телефоне появилось сообщение от Павла:

«Сегодня вечером увидимся? Могу забрать тебя после работы».

Я ответила:

«Если переживу домовой чат».

Ещё одно уведомление пришло из группы.

«ЗАВТРА В 19:30 ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ. ПОВЕСТКА: РЕМОНТ, КЛАДОВАЯ, ПОСЫЛКИ. ПРИСУТСТВИЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО», — написала Елена Сергеевна.

Сразу ниже пользователь «Вадим, кв. 62» спросил:

«А кто оплатит сгоревшую лампу на восьмом?»

«Вадим, не засоряйте чат», — ответила администратор.

«Так она сгорела из-за протечки, а вы запретили писать сантехнику».

«САНТЕХНИКУ ПИШУТ ЧЕРЕЗ ДИСПЕТЧЕРА».

«А диспетчер не отвечает».

«ЭТО НЕ ПОВОД НАРУШАТЬ ПОРЯДОК».

Я убрала телефон в карман.

Зато теперь точно знала: завтра вечером понадобится запасной блокнот. И беруши. Каску я оставлю на случай, если обсуждать будут пожарную лестницу.

Глава 2. Не пишите капслоком!

Когда в доме собираются обсуждать ремонт, самые воспитанные жильцы внезапно вспоминают размер своих коммунальных платежей и забывают, как обращаться друг к другу по имени.

Во вторник я приехала на Лесную к полудню, намереваясь спокойно разобрать оставшиеся коробки. Но дом начал переговоры со мной ещё до того, как я сняла пальто.

Первым меня остановил мужчина в спортивной куртке, державший под мышкой складной самокат.

— Вы из компании, которая вывозит мусор?

— Смотря какой мусор.

— У меня на балконе старая дверь. Если я её принесу вниз, заберёте?

— Если она из общей кладовой — обсудим. Если с вашего балкона, это отдельная услуга.

Он задумался.

— А если я скажу, что дверь когда-то была общей?

— Тогда попрошу свидетелей её трудной судьбы.

Мужчина хмыкнул и пропустил меня к лифту. На площадке третьего этажа вошла женщина с пакетом скрипичных нот.

— Вы та самая, которая разбирает кладовую? — спросила она.

— Та самая.

— Скажите, пожалуйста, мою коробку с новогодними игрушками вы не отдали Тамаре?

— Пока никому ничего не отдавала.

— И прекрасно. Она любит делать добро без предварительного согласия.

— Вы о Тамаре Аркадьевне?

— О ней. На прошлой неделе без спросу унесла мою коробку из-под обуви. Сказала, пустая. А там чеки на инструмент сына.

— Возможно, вы сможете их найти?

— Она уверяет, что отнесла в макулатуру. А я ей не верю. Добрая душа. Вероника Петровна, девятый этаж.

Вышла, оставив после себя запах дорогих духов и впечатление, что доброта в этом доме оценивалась неоднозначно.

У кладовой меня встретил тот самый контейнер с колокольчиком — стоял на стеллаже рядом с бумажными стаканчиками. Тамара принесла очередное печенье для рабочих. Рядом лежал рулон сиреневой упаковочной ленты: ею она перехватывала пакеты, которые собирала для благотворительности.

— Не берите конфеты из белой коробки, — предупредила консьержка Надежда Петровна, выглянув из-за стойки. — Их ещё в январе принесли.

— Почему не выбросили?

— Елена Сергеевна сказала, подлежат учёту.

Внутри кладовой я приступила к документированию вещей. Через полчаса появилась Алёна, достала из сумки пачку распечатанных листов и, не здороваясь, сказала:

— Вчера в чате кто-то написал, что вы хотите вывезти детские велосипеды и продать их на рынке.

— Почему именно на рынке?

— Не знаю. Наверное, для драматизма.

— А кто написал?

— Анонимный аккаунт с именем «Мама троих». В доме, между прочим, всего две семьи с тремя детьми. Обе клянутся, что не они.

Я стала доставать коробки из-под стеллажа.

— Передайте, что я вывожу вещи только с письменного согласия. И велосипедов пока не находила. Санки могу показать.

Алёна опёрлась о дверной косяк.

— Елена сегодня с утра подняла скандал. Пропала посылка с ноутбуком для сына Крыловых. В воскресенье курьер отметил доставку и прислал фотографию коробки на стеллаже. В понедельник Крыловы вернулись — коробки не оказалось.

— Курьер оставил её за решёткой?

— Сказал, что да. Даже сфотографировал. Крыловы уезжали на выходные и вернулись вчера вечером.

Я повернулась.

— А кто мог попасть туда за это время?

— Все, кто знает код. Его год не меняли. А если кто-то открывал решётку, придерживал дверь, доступ получал и следующий.

— Вы сказали, что посылки пропадали и раньше.

— Мелочь. Детская куртка, набор косметики, наушники. Но ноутбук — совсем другая сумма. Елена уже потребовала записи с камеры.

— Камера есть?

— В холле. Только угол со стеллажом целиком не захватывает. Елена полгода добивалась другой камеры. Жильцы спорили, не нарушит ли она их личную жизнь.

Снаружи послышался характерный звук: чьи-то пальцы яростно постукивали по стеклу экрана.

Елена Сергеевна вошла, не поднимая глаз от телефона.

— Алёна, пожалуйста, прекратите распространять сведения о камерах. Кто-то намеренно подогревает подозрения.

— Мы обсуждаем, что у нас исчезла техника, — ответила Алёна.

— Я лично разберусь. У меня есть кое-что получше камеры.

— Что именно?

— Объясню на собрании.

Мне не понравилось, как она произнесла последнюю фразу. Скорее устало, чем победно. Она казалась женщиной, которой надоело собирать чужие отговорки.

Я заметила у неё в руке тонкую красную папку на резинке. Из-под края выглядывала фотография транспортной наклейки, распечатанная на обычной бумаге.

— Елена Сергеевна, — спросила я, — вы случайно не знаете, кому принадлежат банки с вареньем из верхнего шкафа?

Она раздражённо взглянула на меня.

— Варенье Галины Александровны, она умерла три года назад. Банки выбрасывайте.

— Официально оформим, — сказала я.

— Вы всё переводите в бумажки.

— Это защищает от неприятных разговоров.

— Если бы все вовремя читали бумаги, — тихо сказала Елена, — некоторые неприятности давно бы закончились.

Она вышла.

Мы с Алёной посмотрели друг на друга.

— Пожалуй, одними банками сегодня не отделаемся, — сказала я.

* * *

В шесть мне позвонила Катя, моя лучшая подруга со студенческих лет. В стоматологической клинике она умела успокоить кого угодно; со мной у неё чаще получалось разволновать.

— Соня, ты где?

— Сортирую общий фонд неизвестных вещей.

— Прекрасно. У меня к тебе вопрос. У тебя есть хорошее пальто, которое ты не носишь?

— Зачем?

— Мне нужен приличный вид. Завтра встреча с клиентом.

— Катя, ты умеешь выглядеть прилично даже в домашней футболке.

— Это ты меня любишь. А клиент мне заплатить должен.

Катя всё-таки добилась обещания встретиться в выходные. Про Павла она спросила мимоходом, но с таким вниманием, будто я сообщала ей результаты медицинского обследования. Узнав, что он всё ещё завтракает у меня, постановила: отношения приобретают подозрительно серьёзный характер.

Когда я отключилась, у входа в кладовую стояла Тамара.

— Вы же сегодня задержитесь? — спросила она.

— До конца собрания, если Алёне понадобится показать опись.

— Не слушайте Лену слишком внимательно. Она иногда… увлекается.

— В каком смысле?

Тамара оглянулась в сторону консьержки.

— Все сейчас нервничают из-за посылок. А ведь вещи иногда просто путают. Мой Игорь работает с доставками, он говорит, курьеры по десять часов бегают. Ошибки у них постоянно.

— Сын работает курьером?

— На складе, иногда развозит заказы. Хороший мальчик. Ему уже тридцать три, но для меня-то всё равно мальчик. И Елена это отлично знает.

Я не стала уточнять, в каком возрасте мужчины перестают считаться мальчиками. Боюсь, у некоторых матерей этого события не предусмотрено.

— Вы знаете Крыловых, у которых пропал ноутбук?

— Крыловы. Неприятная семья. Обязательно раздуют из мухи слона.

— Но ноутбук — не муха.

Улыбка Тамары опять дрогнула, почти незаметно.

— Разумеется. Я просто за то, чтобы никого не обвиняли без оснований.

Она поправила кардиган и ушла. На его рукаве, возле локтя, прилип маленький кусочек сиреневой ленты. Я машинально отметила этот кусочек — такая лента лежала у стеллажа. Ничего необычного: женщина весь день возилась со своими пакетами.

* * *

Собрание проходило в холле первого этажа. Стулья принесли из диспетчерской, из кладовой выкатили загадочное кресло. На него немедленно сел мужчина с самокатом, заявив, что кресло принадлежит его бабушке. Спорить не стали: у бабушки было слишком много потенциальных наследников.

К половине восьмого собралось около двадцати жильцов. Елена Сергеевна заняла место возле стеклянной доски для объявлений и объявила, что говорить будут по очереди.

Через семь минут одновременно говорили восемь человек.

— Почему у нас пятый месяц не работает доводчик?

— Потому что вы всё время хлопаете дверью!

— Я хлопаю, потому что он не работает!

— А мне зачем запретили ставить цветы у лифта?

— Потому что туда паркуют самокаты!

— Это не мои самокаты!

Я стояла у стены с папкой описи. По договору мне полагалось рассказать о вещах. Судя по накалу голосов, организаторам требовался не сортировщик, а посредник с опытом мирных переговоров.

Когда слово дали мне, я за пять минут объяснила порядок сортировки и предложила владельцам подписывать свои коробки. Зал облегчённо выдохнул: наконец-то кто-то не требовал немедленно наказать соседей.

— А теперь посылки, — произнесла Елена Сергеевна.

Стало тише.

Она положила красную папку на стул.

— За три месяца пропало не меньше пяти доставок. У меня есть даты, фотографии и сведения о том, кто находился у стеллажа в соответствующие часы.

— Назовите фамилию, — потребовал мужчина с самокатом.

— Пока нет. Я хочу проверить последнее обстоятельство.

— Так это кража или ошибка? — спросила Алёна.

— Не знаю, как назвать это иначе, когда вещи исчезают из запертого помещения.

Из толпы выступил крупный мужчина с седой щетиной.

— Елена Сергеевна, а вы сами не забирали чужие коробки? — спросил он. — У нас из-за ваших распоряжений диспетчер три раза переносил доставку холодильника!

— Вадим Николаевич, не смешивайте холодильник с ноутбуком.

— Я не смешиваю. Холодильник вообще трезвый приехал!

Несколько человек рассмеялись. Елена не улыбнулась.

Тамара стояла у окна, скрестив руки. Она не произнесла ни слова. Она тёрла большой палец о шов кардигана. Странное движение — будто пыталась стереть с пальца невидимую грязь.

— Я прошу сутки, — сказала Елена. — Завтра к вечеру направлю материалы участковому. И сообщу в чате, что именно выяснилось.

— А если выяснится, что вы зря подозревали людей? — негромко спросила Тамара.

Елена повернулась к ней.

— Тогда я извинюсь.

— А если не зря?

— Тогда извиняться придётся другим.

Раздались аплодисменты. Кто-то хлопал от поддержки, кто-то — лишь бы всё поскорее закончилось.

В двадцать пятьдесят собрание окончательно распалось на маленькие группы недовольных. Я сложила свою папку, простилась с Алёной и направилась к выходу.

У дверей я столкнулась с Еленой. Красную папку она прижимала к боку локтем, телефон зажала в одной руке, сумку — в другой. Папка норовила выскользнуть.

— Софья Андреевна, вы завтра с утра будете?

— После десяти.

— Хорошо. Посмотрите со мной одну коробку из кладовой. Наклейка там какая-то странная. Я никак не разберусь, от чьей она доставки.

— Покажете завтра?

— Покажу. И ещё…

Она хотела что-то добавить, но из лифта вышел молодой мужчина в чёрной куртке. За плечом у него висел объёмный курьерский рюкзак. Парень оглядел холл, остановился, увидев Елену.

— Добрый вечер, — сказал он.

— Игорь, — ответила Елена.

Голос у неё стал сухим.

Он перевёл взгляд на красную папку, потом на меня.

— Мама здесь?

— Тамара Аркадьевна уже ушла, — ответила я.

Он кивнул и направился к лестнице. Елена посмотрела ему вслед. Бумага у неё под локтем смялась.

— Это сын Тамары? — спросила я.

— Да. И я очень надеюсь, что завтра он сам захочет со мной поговорить.

С этими словами она ушла в сторону лифтов.

Я отправилась домой. Дождь стучал по стеклу такси; на светофорах фонари расплывались в жёлтые пятна. Мой телефон продолжал время от времени извещать о сообщениях в домовом чате. Новое уведомление появилось в 21:18:

«У кого ключ от второго технического шкафа? Срочно», — спросила Елена С.

Спустя минуту Надежда Петровна ответила:

«У Елены Сергеевны, у Алёны и у меня. Остальные по заявке».

Следующее сообщение принадлежало Тамаре:

«Лена, пожалуйста, не надо ничего решать ночью. Утро мудренее».

Ответа в чате не последовало.

Я убрала телефон и вспомнила о Пуговице. Уходя, я оставила ему ужин, но пакет с сухариками на столешнице — вот о нём-то и следовало беспокоиться.

О том, что происходило в служебном коридоре, я узнала только утром.

К утру у дома на Лесной уже стояла машина скорой помощи.

Глава 3. Администратор покинул чат

Среда началась с двух неприятностей, совершенно несравнимых по масштабу.

Первая состояла в том, что Пуговица съел уголок нового коврика. От приветствия «Добро пожаловать» он отгрыз слово «Добро», а на меня смотрел так, будто оставшееся было щедрым подарком.

Вторая неприятность пришла сообщением от Алёны Новиковой.

«Софья Андреевна, пожалуйста, не приезжайте до моего звонка. У нас несчастье».

Я позвонила немедленно. Алёна ответила не сразу, и её голос был таким чужим, что мне потребовалось несколько секунд, чтобы узнать его.

— Елену Сергеевну нашли. На лестнице. Она умерла.

Я присела на край дивана.

— Как? Когда?

— Не знаю. Уборщица открыла служебный коридор и нашла её там. Приехала полиция. Меня только что опросили. Я позвонила вам, потому что вы вчера были на собрании и ещё вчера фотографировали кладовую. Они наверняка захотят поговорить и с вами.

— Конечно. Вы сами как?

Алёна с трудом выдохнула.

— Плохо. Мы вчера спорили. Я думала, утром она снова напишет мне три страницы о правилах. А теперь…

Она не договорила.

— Я приеду, когда скажете, — ответила я. — И фотографии не трону.

Я потянулась к телефону, чтобы набрать Павла, и остановилась: не хотела мешать его работе и просить профессионального ответа там, где мне требовалось обычное человеческое участие. Отправила сообщение: «На Лесной, где я работаю, умерла администратор дома. Меня, вероятно, вызовут для объяснений. Со мной всё в порядке».

Ответ пришёл почти сразу.

«Хорошо, что написала. Не торопись с выводами и не пытайся проверять всё сама. Вечером позвоню».

Я посмотрела на Пуговицу.

— Слышал, Пуговица? Нам обоим приказано вести себя прилично.

Пёс поднял голову, убедился, что о еде речи не идёт, и заснул.

* * *

В половине одиннадцатого Алёна перезвонила. Попросила подъехать к дому и взять с собой рабочий блокнот.

Возле подъезда стояла полицейская машина. Двор выглядел по-прежнему благоустроенным: по мокрому асфальту шла женщина с коляской, двое школьников спорили из-за наушников, у ворот дворник собирал листья в огромный мешок. Только вокруг скамейки возле входа образовался необычный кружок молчаливых жильцов.

Надежда Петровна за стойкой консьержа держала стакан воды обеими руками. Меня она узнала сразу.

— Вы-то зачем приехали? — спросила она.

— Алёна позвала.

— Правильно. Вы вчера всё видели. А я ничего не видела. Сто раз спрашивают, и каждый раз — ничего. Ночь я не дежурила. С девяти меня сменяет охранник, а он сегодня вместо работы сидит с полицейскими.

— Вы не обязаны знать то, чего не видели.

— Вот и я говорю. А Лена… — Консьержка неожиданно всхлипнула. — Она меня ругала за салфетки. Говорила, я слишком много их беру. А сегодня я целую пачку достала — и расплакалась.

Я не нашла, что ответить.

Алёна встретила меня возле двери в кладовую. Обычная решительность исчезла с её лица.

— Доступ пока закрыт. Вашу работу придётся отложить.

— Понимаю. К этому вернёмся позже.

— Следователь ждёт в кабинете управляющего. Ей нужны все, кто вчера оставался после собрания.

В кабинете сидела женщина лет сорока, с гладко убранными волосами и внимательными, почти неподвижными глазами. Представилась Ольгой Васильевной Рощиной. Поздоровалась, предложила сесть и попросила рассказать о событиях вторника с самого начала.

Я рассказала про работу, собрание, красную папку Елены, пропавшие посылки и Игоря Самойлова. Старалась не добавлять собственных предположений.

— Во сколько вы ушли? — спросила Рощина.

— Примерно в двадцать пятьдесят. По моему чеку за такси посадка в двадцать пятьдесят семь. Могу показать.

— Покажете, пожалуйста.

Она переписала время.

— Елена Сергеевна выглядела испуганной?

Я задумалась.

— Нет. Сердитой. Но когда появился Игорь, она как будто собралась с силами. Она даже перестала слушать, что я говорю. Смотрела только на Игоря.

— Вы слышали угрозы?

— Нет. Она сказала только, что надеется поговорить с ним завтра.

— А где находилась красная папка, когда вы видели её в последний раз?

— У неё в руке. В холле у лифта.

— Вы знаете, что было внутри?

— Однажды я увидела краешек распечатанной фотографии с транспортной наклейкой. Не знаю, от какой именно посылки.

Рощина кивнула и перевернула страницу.

— Чем вы занимались в кладовой?

— Фотографировала и описывала общие вещи. С согласия совета дома. Всё сохранилось в телефоне.

— Не удаляйте материалы. Нам может понадобиться копия.

— Конечно.

— И ещё просьба. Я знаю, Елена Сергеевна активно переписывалась с жильцами. Если вспомните что-то, что она сказала именно вам, а не всем на собрании, сообщите. Важно отделить собственные наблюдения от чужих рассказов.

Я кивнула. Я мысленно повторила её просьбу. Её стоило повесить над экраном в домовом чате — крупнее правил о капслоке.

У двери она задержала меня:

— Вы случайно не встречали Елену после вашего отъезда?

— Нет. Только видела её сообщение в группе в двадцать один восемнадцать.

Рощина быстро подняла глаза.

— Какое сообщение?

Я открыла чат и показала экран.

«У кого ключ от второго технического шкафа? Срочно».

Следователь несколько секунд читала переписку, потом попросила прислать ей скриншот и ссылку на сообщения.

— Спасибо, Софья Андреевна. Пока этого достаточно.

* * *

За дверью кабинета меня ждали два человека. Сначала я подумала, что они родственники, но сходства между ними не было никакого.

Мужчина в мятом пальто, лет пятидесяти, с уставшим лицом сообщил, что он Вадим Николаевич Колесников, сосед с одиннадцатого этажа. Тот самый, который спорил о холодильнике.

— Вы ведь вчера на собрании были? — спросил он.

— Была.

— Слышали, как она меня выставила идиотом?

— Слышала ваш спор. Но не думаю, что кто-то в зале воспринимал его как личную трагедию.

— А полиция теперь воспринимает! Меня уже два раза спросили, почему я на неё кричал.

— Возможно, потому, что вас слышали даже у лифта?

Он нахмурился, потом неожиданно рассмеялся.

— У вас хорошая память.

Вторая ожидавшая была Тамара Аркадьевна. Лиловый кардиган она заменила на серый жакет и теперь казалась меньше ростом и старше лет на десять.

— Сонечка, — сказала она, и мы вдруг оказались на «ты» с неприятной для меня скоростью. — Это ужасно. Я всю ночь почти не спала.

— Соболезную. Вы были близки?

— Мы много лет вместе соседям помогали. Правда, последние месяцы спорили. Лена иногда чересчур подозрительная была.

— Вы с ней говорили после собрания?

Тамара отвела глаза.

— Да, немного. Она требовала, чтобы я перестала принимать чужие коробки. А кто же поможет старикам? Не каждый может спуститься к курьеру.

— Когда вы говорили?

— Не помню. Около девяти, наверное. Я потом домой поднялась. Игорь заходил ко мне поздно, мы пили чай.

— Его уже опрашивали?

— Да. Он всё объяснит. Просто всё так страшно повернулось.

Из кабинета выглянул сотрудник полиции и назвал её фамилию. Тамара поспешила внутрь, а Вадим проводил её долгим взглядом.

— Она всегда всё объяснит, — буркнул он.

— Что вы имеете в виду?

— Ничего. Вы не местная, вам и не надо.

Вот за что я особенно любила соседские дома. В этом доме молчали так многозначительно, что я начинала подозревать даже дверные доводчики.

* * *

К обеду из домового чата сделали общественную приёмную. Сообщения сыпались каждую минуту.

«Кто-нибудь знает, правда ли всё?»

«Прошу не распространять слухи».

«Я вчера слышала крики».

«Это были наши дети».

«У вас дети кричали в половине одиннадцатого?»

«У нас дети не по расписанию».

На фоне этого безумия особенно странно выглядела старая фотография профиля Елены Сергеевны. На снимке Елена стояла перед кустом сирени. Без красной папки, без суровой складки между бровями. Я вдруг впервые увидела в ней не администратора, а просто женщину, которую кто-то фотографировал в хороший майский день.

Алёна попросила меня помочь составить список уже разобранных коробок: из-за закрытой кладовой жильцы начали спрашивать, не исчезли ли их вещи. Я переслала ей фотографии с рабочей описью и договорилась подождать разрешения полиции, прежде чем продолжить разбор.

Потом поехала в офис.

Фирма «Лишнего нет» занимала одну маленькую комнату на первом этаже старого делового центра. На двери висела табличка, которую Катя однажды перепутала с названием службы психологической помощи.

Я наливала себе чай, когда позвонил Павел.

— Как ты?

— Не очень. Вчера видела человека, сегодня его нет. Не получается воспринимать это как рабочее происшествие.

— И не надо. Ты ведь с ней разговаривала.

— Она попросила меня посмотреть одну коробку. Завтра, сказала. Она говорила таким будничным тоном, словно и вправду рассчитывала меня дождаться.

Павел помолчал.

— Не обесценивай свой разговор. Ты не могла знать, что случится.

— Знаю. Умом. А всё равно перебираю, что могла спросить.

— Понимаю. О встрече и коробке следователю рассказала?

— Да. И ничего не пыталась добыть самостоятельно, представляешь?

— Начинаю беспокоиться. Ты не заболела?

Я наконец улыбнулась.

— Не исключено. Особенно если вспомнить, что вчера просидела час в домовом собрании и никого не задушила.

— Это веский аргумент в пользу твоего здоровья.

Мы договорились встретиться вечером. Я поставила чашку на стол и по привычке открыла домовой чат.

Чат был закреплён вверху списка. Последнее сообщение Елены датировалось не 21:18, как я помнила, а 22:17.

Под её именем, уже после собрания, стояло сообщение:

«Завтра в 18:00 я напишу фамилию человека, который забирает чужие посылки. С доказательствами. Не пытайтесь меня переубедить».

Вчера Елена держала красную папку, искала ключ от технического шкафа и собиралась поговорить с Игорем Самойловым.

Если обещание было отправлено сразу, значит, после десяти вечера Елена ещё была жива.

Если нет — кто-то хотел заставить соседей поверить именно в это.

Глава 4. Пятьдесят непрочитанных сообщений

К тому моменту, когда я добралась домой, в домовом чате было двести семнадцать непрочитанных сообщений. Я не открыла ни одного, но соседи, судя по уведомлениям, уже успели обсудить и меня.

Во-первых, меня обвиняли в том, что я «пришла и разворошила осиное гнездо». Во-вторых, в том, что я «почему-то фотографировала всё подряд». В-третьих, кто-то предложил временно закрыть общую кладовую на три замка, причём один должен был храниться у самого честного жильца.

Последнее вызвало жаркую дискуссию. Вопрос «кто самый честный?» решено было отложить как слишком конфликтный.

— Тебе надо отключить уведомления, — заметила Катя, приехавшая ко мне с пакетом булочек.

— Я уже отключила. Теперь он дрожит от возмущения, что его никто не слушает.

— Серьёзно, Соня. Ты себя не жалей. Люди из интернета и без твоего участия найдут, о чём поссориться.

Катя присела на кухонный табурет, положила на стол две булочки и немедленно спрятала пакет повыше. Пуговица проводил его взглядом и встал под кухонным шкафом. С виду пёс соглашался с правилами, но мысленно составлял план проникновения.

— Ты её хорошо знала? — спросила Катя.

— Два дня. Командовала всеми, не спрашивая разрешения. А перед уходом вдруг растерялась на секунду. Мне теперь всё кажется, что я могла это заметить раньше.

— И кому-то это не понравилось?

— Не знаю. Возможно, поскользнулась. Лестницы иногда опаснее людей.

Катя кивнула, но обрадоваться такому объяснению не смогла.

— А твоё знаменитое любопытство?

— Сидит на коротком поводке. В отличие от Пуговицы, это хоть иногда работает.

Мы поговорили о её встрече с клиентом, о счёте за ремонт моего рабочего принтера и о том, что синяя куртка Андрея, моего бывшего мужа, всё ещё лежит на антресоли. Катя велела отправить Андрею сообщение с адресом пункта выдачи. Я сказала, что боюсь: он сочтёт это знаком внимания.

В половине восьмого пришёл Павел. Принёс овощи, сыр и готовый суп. О самостоятельной организации ужина я решила больше не спорить.

— Ты прямо как гуманитарная миссия, — сказала я.

— Я просто помню, что утром у тебя были кофе и три яйца.

— Два яйца. Третье было запасным стратегическим.

Катя поцеловала меня в щёку и ушла, оставив недоеденную булочку под салфеткой. Пуговица сделал шаг к столу.

— Даже не думай, — сказала я.

Он сел. Вид у него был обиженный, как у несправедливо отстранённого главного дегустатора.

* * *

Мы с Павлом ужинали, когда раздался звонок Алёны Новиковой.

— Простите, что так поздно. Мне очень неловко, но нужно уточнить фотографии.

— Слушаю.

— У вас в понедельник была общая съёмка кладовой? Все полки, ящики? Не только вещи по описи?

— Да. Сначала снимала общее состояние помещения, как обычно.

— Вы могли бы сохранить исходники? Следователь спрашивала, какие коробки там были до вторника.

— Исходники сохранились. Я уже сказала ей об этом.

— Спасибо. Я совершенно растеряна. У нас ещё объявился новый спор: кто-то утверждает, что Елена пропала не после собрания, а позже, и ссылается на сообщение в двадцать два семнадцать. Пишут, будто сообщение — это медицинское свидетельство о времени смерти.

— Вы её видели после девяти?

— Нет. Я осталась в холле минут до девяти двадцати, обсуждала с Надеждой Петровной ремонт. Потом поднялась домой. Елена ушла к служебной лестнице. Красная папка была при ней. Тамара в тот момент ещё была в холле, но видела ли я, как они разговаривали, — не вспомню. Простите, всё смешалось.

— Не надо гадать, — сказала я. — Расскажите Рощиной, что точно помните.

— Уже рассказала.

Алёна замолчала.

— Софья Андреевна, — произнесла она наконец, — я не любила Елену. Мы постоянно спорили. Но я не хотела, чтобы ей стало плохо. Неужели она сама могла ночью пойти в эту лестничную клетку?

— Я не знаю. И, думаю, не мы с вами должны сейчас отвечать на этот вопрос.

После звонка Павел молча убрал со стола тарелки.

— Ты опять с утра не ела, — заметил он.

— Взяла булочку.

— Половину?

— Хорошо, четверть. Но ты не меняй тему. Можно отправить сообщение в Telegram позже, чем ты его набрал?

— Да. Там есть отложенные сообщения. И для групп тоже, если у человека есть право писать.

Я задумалась.

— Значит, сообщение в двадцать два семнадцать ещё не доказывает, что Елена была жива в это время.

— Не доказывает. Есть разные способы проверить, что происходило с аккаунтом, — пусть ими займётся следствие.

— Понимаю. Просто она собиралась всё рассказать. А теперь за неё разговаривает чат.

Павел взял мою ладонь.

— Слухи будут. Не позволяй им заставлять тебя торопиться с выводами.

— Постараюсь.

— И поешь суп. Ты сегодня очень плохо исполняешь обязанности живого человека.

Я послушалась. В этом отношении спорить с ним было бессмысленно: он уже принёс ложку.

* * *

В четверг утром мне позвонила следователь Рощина и попросила переслать фотографии понедельника в оригинальном качестве, вместе с информацией о времени съёмки. Алёна подтвердила ей, что работу я выполняла официально. Я передала исходные файлы способом, который указала следователь и отдельно перечислила, что успела передвинуть во время сортировки до вторничного собрания.

За компьютером я просматривала фотографии, чтобы сверить номера коробок с описью.

Сначала всё выглядело привычно: старые санки, коробка с мишурой, стопка журналов, пластиковая корзина с потерянными перчатками. Я на минуту отвлеклась, когда увидела на одном снимке отражение собственной головы в зеркале от сломанного шкафа. Отражение напомнило мне, что я уже третий день обходилась без нормального обеда и полноценного сна.

На следующем снимке меня заинтересовал угол верхнего стеллажа. Из-за пакета с мячами выглядывала небольшая картонная коробка — при описи я до неё так и не добралась. На крышке была наклейка службы доставки. Название получателя не читалось — его заслонила ручка пакета, — но вокруг коробки шла полоска сиреневой ленты.

Такая же лента лежала во вторник возле контейнера с печеньем Тамары Аркадьевны. Ленту продают всем желающим, и делать вывод по одному цвету было бы глупо.

Я увеличила снимок и увидела рядом ещё один предмет: маленький серый пластиковый ящик для ключей, прикрученный к стене. На нём аккуратно наклеен номер «2». Рядом был след от недавно снятой наклейки. Вчера Елена спрашивала именно о втором техническом шкафе. Я поторопилась связать номер на ящике с сообщением Елены. Вполне возможно, это были разные вещи.

Осторожно записала наблюдение для Рощиной без вывода о виновных. Приложила исходную фотографию, отметила, что предметы не проверяла и даже не открывала.

Через час следователь ответила:

«Получено. Спасибо. Пока не приезжайте в дом без согласования».

Я с облегчением закрыла ноутбук. Теперь оставалось заняться оплаченной работой и не мешать людям, которым поручено расследование.

Но покой длился недолго.

На экране всплыло новое сообщение от неизвестного номера.

«Софья Андреевна, вы фотографировали верхние полки кладовой. Не показывайте их никому. Там личные вещи».

Я перечитала строку и нахмурилась. Общего доступа у фотографий не было. Рабочие копии видели только Алёна и Рощина. Кто же знал про верхнюю полку?

«Представьтесь, пожалуйста. Какие именно вещи вы имеете в виду?» — напечатала я.

Номер не ответил.

Зато в домовом чате появилось объявление от Алёны:

«Пока полиция работает, прошу всех прекратить обсуждение обстоятельств смерти Елены Сергеевны. Доступ в кладовую закрыт. Документы и материалы будут предоставлены уполномоченным лицам».

Под объявлением сразу же написали:

«А кресло там всё ещё стоит?»

«Нельзя сейчас про кресло!»

«Но оно же моё!»

Я отложила телефон и посмотрела на Пуговицу. Тот старательно раскладывал на ковре мои домашние тапочки, явно не догадываясь, что имущество бывает не только законным и незаконным, но ещё и общедомовым.

И тут мне снова пришло сообщение с неизвестного номера.

«Я серьёзно. Особенно не смотрите на коробку с сиреневой лентой».

Я уставилась на экран. Сиреневую ленту я сама заметила только сегодня. В сообщении Рощиной она была всего лишь одной из деталей снимка. Откуда отправитель так точно знал, на какую коробку обратить внимание?

Глава 5. Соседка с безупречной репутацией

В пятницу я выдержала без домового чата целых полтора часа. Для человека, которого в нём успели обвинить во всех коммунальных бедствиях, это было достижение.

За это время никто не отменил коммунальные платежи, не ввёл чрезвычайное положение в подъезде и даже не решил вопрос со старым креслом. Мир оказался удивительно устойчив к моему отсутствию.

— Ты опять проверяешь телефон? — спросил Павел.

— Я смотрю, сколько времени.

— У настенных часов с этим тоже неплохо получается.

Я подняла глаза. Павел стоял у окна в рубашке, рукава закатаны, совершенно не похожий на человека, у которого за завтраком требуют пояснений по техническим шкафам.

— Если хочешь знать, я уже полтора часа держусь.

— Рекорд.

— Не издевайся над зависимыми людьми.

Пуговица положил подбородок Павлу на колено. Похоже, пёс наконец признал Павла своим человеком — по крайней мере, на то время, пока у него имелись свободные руки для ласки.

— Слушай, — сказала я, — в следующий раз мы можем позавтракать где-нибудь, где не нужно обсуждать преступление, омлет и собачьи притязания.

— Можно. Например, в субботу после прогулки.

— В субботу у меня Катя.

— Тогда в воскресенье.

Я улыбнулась. Раньше слово «воскресенье» означало для меня день, когда можно поставить стирку и не отвечать бывшему мужу. Теперь оно всё чаще оказывалось занято хорошими планами.

В одиннадцать мне предстояла встреча с Алёной Новиковой. Она сама попросила приехать в мой офис: договор на разбор кладовой приостановили, но нужно было оплатить уже выполненную работу и решить, куда девать опись.

— Только не позволяй этой истории съесть и твою обычную работу, — заметил Павел, застёгивая часы.

— Я собираюсь получить деньги. Это самое скучное и законопослушное занятие в мире.

— После составления декларации.

— Нет, там больше трагедий.

Он поцеловал меня в висок, а Пуговица обиженно чихнул, потому что в семейной сцене его никто не пригласил участвовать.

* * *

Алёна пришла вовремя, принесла две папки и красные от недосыпа глаза. Пальто она застегнула не на ту пуговицу.

— Простите, Софья Андреевна, мне некогда даже голову помыть. В доме меня теперь обвиняют во всём: что кладовую закрыла, что открыла её, что не заставила Елену Сергеевну раньше обратиться в полицию.

— За невыполненный ремонт крыши тоже?

— Это ещё вечером будет.

Она поставила на стол термокружку, достала договор и перевела мне деньги за два рабочих дня. Это были первые за неделю деньги, вокруг которых не возникло никакого собрания.

— Опись пока у вас, — сказала я. — Когда следователь разрешит, продолжим. Если решите отказаться, я передам вам всё, что составлено.

— Продолжим, обязательно. У меня уже пять заявлений о вещах, которые жильцы внезапно вспомнили. Все заявления начинаются словами «лично я не скандальный человек».

— Верный признак затяжного конфликта.

Алёна устало улыбнулась. Я налила ей чаю и не стала расспрашивать о смерти Елены. Но сама она заговорила об этом почти сразу.

— Тамара Аркадьевна написала заявление, что хочет организовать вечер памяти. А жильцы уже спорят, можно ли поставить свечи возле стены с противопожарными правилами.

— Тамара хорошо знала Елену?

— Очень давно. Она вообще про каждого знает всё. Когда у моего мужа было растяжение, сама приносила продукты. Когда у соседского мальчишки обнаружилась аллергия, нашла ему врача. И при этом умела так утешить одного, что второй начинал чувствовать себя виноватым.

— Звучит как человек, которого невозможно не любить.

— Почти. Вероника Петровна с девятого этажа её терпеть не может. Тамара выбросила коробку с чеками её сына, а потом неделю носила пироги в знак примирения.

Я вспомнила женщину с нотами в лифте.

— Скажите, вчера кто-то мог видеть мои фотографии, кроме вас и полиции?

Алёна приподняла брови.

— Я никому их не пересылала. Правда, вчера Игорь Самойлов заходил ко мне. Его попросили уточнить, не мог ли курьер оставить ноутбук в другой секции. Я показала ему на телефоне общий вид кладовой. Там было несколько снимков.

— В том числе верхняя полка?

— Возможно. Он увеличивал изображение, искал номер доставки. Почему вы спрашиваете?

Я открыла сообщение неизвестного номера и протянула ей экран.

Алёна прочитала. Лицо её заметно напряглось.

— Вам угрожают?

— Пока скорее пытаются меня напугать. Отправитель упомянул ленту на коробке, которую я сама разглядела только вчера.

— И вы думаете на Игоря?

— У него была возможность увидеть снимки. Это не означает, что он отправлял сообщения.

Алёна достала телефон и принялась листать переписку.

— У меня сохранилось его сообщение. Он попросил фотографию, потому что в воскресенье якобы сам привозил часть заказов в этот дом. Я ничего не отправила, предложила посмотреть на месте.

— Это он сказал до просмотра снимков?

— Да.

— Рощиной вы об этом рассказывали?

— О том, что показывала фотографии? Нет. Думала, это не относится к делу.

— Расскажите. Даже если ничего не значит.

Алёна кивнула, набрала номер следователя и отошла к окну. Пока она говорила, я ещё раз сравнила понедельничные снимки.

Коробка с сиреневой лентой стояла не на стеллаже для посылок, который находился за решёткой в холле. Она была в общей кладовой, среди мячей и новогодней мишуры. Значит, её туда кто-то перенёс. Законно или нет — вопрос открытый.

На краю коробки виднелось нечто белое, похожее на обрывок наклейки. Я увеличила снимок. Текст оставался размытым, и пытаться прочитать его силой воображения было бессмысленно.

Алёна закончила разговор.

— Следователь просила вас пока ничего не публиковать в чате. И сказала, что со мной свяжутся.

— Хороший совет. Я его уже неделю пытаюсь соблюдать.

— Знаете, что странно? — Алёна потёрла виски. — Тамара во вторник на собрании защищала Игоря ещё до того, как Елена назвала хоть чью-то фамилию.

— Мать обычно защищает сына, даже если он просто забыл шапку.

— А она потом подошла ко мне и спросила, успела ли Елена снять копии с транспортных наклеек. Именно с наклеек, понимаете? Об этом при всех не говорили.

Я поставила чашку на блюдце.

— Вы раньше упоминали наклейки при ней?

— Не помню. Мы часто обсуждали жалобы на посылки.

В этой истории каждое слово требовало проверки: то, что звучало как улика, могло оказаться обыкновенным разговором соседок.

* * *

После Алёны мне позвонила женщина, назвавшаяся Дарьей Крыловой. Сказала, что нашла мой номер в договоре на сортировку, который совет дома вывесил на доске объявлений.

— У нас ноутбук пропал, — сообщила она без приветствия. — И я не собираюсь мириться с тем, что соседки обсуждают, сколько денег я трачу на ребёнка.

— Понимаю, как вы расстроены. Но посылки я не сортировала и к стеллажу доставки не подходила.

— Знаю. Мне Алёна сказала. Я хочу показать вам фотографию посылки. Может, вы видели такую в кладовой?

Я предложила переслать фотографию следователю. Дарья сперва возмутилась: она уже ходила в полицию и не понимала, почему должна ходить ещё. Потом успокоилась и согласилась отправить снимок мне для сравнения с описью — без публикации и с передачей результата Рощиной.

На фотографии была длинная плоская коробка с белой наклейкой. В правом нижнем углу наклейки — маленькая звёздочка, нарисованная синим маркером.

— Это курьер нарисовал? — спросила я.

— Нет. Муж. Он просил отправителя сделать отметку, чтобы упаковку не перепутали с другой техникой. Покупали ноутбук к дню рождения сына.

Я посмотрела на снимок понедельника. Ни звёздочки, ни номера с такого ракурса не было видно. По форме коробки я бы не отличила ноутбук от настольной лампы. Слишком многое скрывал пакет с мячами.

— Я не могу подтвердить, что видела именно вашу посылку, — сказала я. — Если полиция попросит, предоставлю фотографии в исходном качестве.

Дарья помолчала.

— Я ведь не только из-за денег злюсь. Сын всё время спрашивает, придёт ли ноутбук. А я не могу ему объяснить, почему вещь оказалась в нашем доме, но до нас не дошла.

Я вспомнила, сколько дней Крыловы ходят мимо пустого стеллажа. Шутить не хотелось.

— Надеюсь, его найдут, — сказала я.

— И я. Спасибо, что не пообещали того, чего не знаете.

После разговора я долго смотрела на телефон. Я всё время представляла эти посылки на фотографиях как одинаковые прямоугольники. А за одним из них стоял ребёнок, которому обещали подарок и теперь не могли объяснить, куда тот исчез.

Завибрировал домовой чат.

Тамара Аркадьевна написала: «Давайте не будем травить молодых людей без доказательств. Доброта в нашем доме должна быть выше подозрений».

Сообщение набрало сорок два одобрения.

Я не стала ставить сорок третье.

Глава 6. Посылка не тому адресату

Коробка может рассказать о своём пути больше человека, который её нёс, — если уцелела транспортная наклейка.

В моей работе это полезное свойство. Сначала выясни, кому принадлежит вещь; потом решай, что с ней делать. Иначе рискуешь выбросить чей-нибудь семейный архив.

На Лесной эта простая логика перестала работать: адресаты были известны, а вещи исчезали.

В пятницу вечером Рощина сама позвонила мне.

— Софья Андреевна, вы сможете в субботу к одиннадцати подъехать к дому? Мы будем осматривать часть имущества в присутствии представителя совета. Нам нужно, чтобы вы указали, какие предметы передвигали при описи.

— Конечно. Фотографии взять?

— Оригиналы у нас есть. Возьмите ваш блокнот. И пожалуйста, ничего самостоятельно не открывайте и не переносите.

— Моя профессия сегодня чувствует себя ущемлённой.

В трубке послышалось что-то похожее на короткий смешок.

— Я уверена, она переживёт.

Просьба Рощиной касалась ровно того, за что мне платили: где стояли вещи и что я успела переложить. В этом я разбиралась лучше любого следователя.

Правда, в субботу утром выяснилось, что чистая совесть ничего не гарантирует по части транспорта.

Катя обещала подвезти меня до Лесной. Вместо привычного уверенного вида у неё было вид женщины, которой финансовое приложение только что объявило личную войну.

— Я купила платье, — сообщила она, пока мы стояли на светофоре.

— Поздравляю.

— Оно мне мало.

— Сочувствую.

— В магазине уверяли, что это свободный крой.

— Может, свободный, но не для человека.

— А ты могла бы поддержать подругу.

— Я поддерживаю. Надеюсь, ты сохранила чек.

Катя поджала губы.

— Вот за что я тебя люблю, Соня: если завтра наступит конец света, ты первым делом потребуешь чек на разрушение.

— А ты первым делом закажешь новое платье, чтобы достойно встретить конец света.

Мы рассмеялись. От этого разговор сразу стал легче.

У дома Катя отказалась идти со мной. Сказала, что чужие споры об общем имуществе ей противопоказаны, потому что она и со своим гардеробом договориться не может. Поехала возвращать платье. Перед стартом с удовольствием продемонстрировала мне чек.

* * *

Кладовую открывали в присутствии Алёны, следователя и специалиста, который фотографировал полки и коробки. Вокруг пахло картоном, пылью и сухими батареями.

Мне выдали перчатки и попросили показать первоначальное расположение предметов, не прикасаясь к ним. Я нашла по снимкам санки, сломанную коляску, пакет с мячами и место, где в понедельник стояла коробка с сиреневой лентой.

Место оказалось пустым.

— Здесь она была, — сказала я. — Верхняя полка, справа от серого ящика для ключей. На фотографии видно край пакета, который её заслонял.

Рощина сравнила изображение с действительностью.

— Кто мог переставить коробку после вашего первого рабочего дня?

Алёна растерянно посмотрела на меня.

— Во вторник многие приносили вещи, чтобы уточнить, что оставить. Я не проверяла каждый пакет.

— Вы лично снимали эту коробку?

— Нет.

— И я не снимала, — добавила я. — При описи до неё не дошла. Записала только общий вид полки.

Специалист осмотрел металлический шкафчик на стене. Серый ящик с цифрой «2» оказался не техническим шкафом, а запирающимся хранилищем запасных ключей: от щитовой, комнаты уборочного инвентаря и ещё нескольких помещений. Дверца была закрыта; её открыли сотрудники в присутствии Алёны.

— Так вот что это за двойка, — сказала я. — Я подумала на технический шкаф. Выходит, рано обрадовалась совпадению.

— Вы правильно сделали, что сообщили наблюдение, не выдавая предположение за факт, — ответила Рощина.

На этот раз фотографии пригодились ровно для того, для чего я их делала: чтобы показать, где что стояло. Даже приятно.

Внутри ящика обнаружились подписанные крючки и несколько ключей. Один крючок пустовал. Какой именно — с моего места видно не было.

Когда мы вышли в коридор, Рощина попросила показать, как открывается дверь со стороны кладовой на служебную лестницу. Я указала участок стены, где на плане был проход, и объяснила, что сама там не работала. Алёна рассказала, что из-за ремонта в понедельник и вторник двери иногда оставляли открытыми для рабочих.

— И всё же коробка, — вздохнула она, — оказалась не там, где стояла раньше.

— Вы уверены, что раньше она вообще была в кладовой? — спросила я.

— Нет. В этом и проблема.

Мы покинули помещение. Служебный коридор снова закрыли, а мне разрешили вернуться к обычным заказам.

— Что теперь? — спросила Алёна у Рощиной.

— Мы проверяем обстоятельства смерти и отдельно — заявления о пропавших доставках. Одно может быть связано с другим, но пока это не установленный факт.

Это было разумнее любого голосования в чате, где виновного готовы были выбрать большинством.

* * *

На выходе нас остановил Игорь Самойлов.

Вблизи он выглядел старше, чем во вторник вечером. Под глазами лежали тёмные круги, на куртке было пятно от машинного масла. Рюкзак курьера он держал за ручку, словно тот весил больше положенного.

— Софья Андреевна, можно вас на минуту?

Я посмотрела на Рощину. Та отступила к Алёне, но осталась поблизости.

— Если вопрос о моей работе — конечно.

— Это вы ищете коробку с фиолетовой лентой?

— Я не ищу чужие вещи. Я показываю полиции свои рабочие фотографии.

Игорь поморщился.

— Мама сказала, вы придираетесь к коробкам, которые она собирала на благотворительность. Там одежда стариков, одеяла. Люди сами отдавали.

— Я к коробкам не придираюсь. И слово «благотворительность» не считаю подозрительным.

— Тогда зачем всё это?

— Я не знаю, что вы имеете в виду под «этим».

Он нервно поправил ремешок сумки.

— Просто Елена Сергеевна тоже так начинала. Сначала задавала вопросы про наклейки, потом про мою работу. Я, может, и ошибался с доставками, но чужих вещей себе не брал.

— Почему вы считаете, что разговор идёт о вас?

Игорь не ответил. Посмотрел за моё плечо, где Рощина уже закончила говорить с Алёной и теперь шла к нам.

— Вы ещё раз хотите побеседовать? — спокойно спросила она.

— Нет, — слишком быстро ответил Игорь. — Я всё вам сказал.

— Тогда не обсуждайте дело со свидетелем в коридоре. Если вспомните что-то новое, свяжитесь со мной.

Парень кивнул и вышел на улицу.

Рощина проводила его взглядом.

— Он вам угрожал?

— Нет. Хотел, чтобы я не подозревала мать. По крайней мере, так прозвучало.

— Сообщения с неизвестного номера ещё приходили?

— Нет.

— Сохраните переписку. Мы установим, кто писал.

После разговора я убрала телефон. Мне нечасто хотелось, чтобы пропавшую коробку нашёл кто-нибудь другой, не привлекая меня даже для составления описи.

* * *

По дороге домой мне позвонила Дарья Крылова.

— Софья Андреевна, я вспомнила кое-что про свою коробку. Не знаю, важно ли. В воскресенье курьер прислал фотографию, где она стоит за решёткой. А в понедельник утром муж ходил за ней — и двери уже были пустые.

— Вы передали это полиции?

— Да, сегодня утром. Но ещё одна вещь. Мужу тогда сказала Тамара Аркадьевна, что вечером в воскресенье она сама перенесла несколько доставок в кладовую. Мол, в холле была проверка пожарной безопасности, нельзя загромождать проход.

Я остановилась возле машины.

— У вас в доме действительно была проверка?

— Алёна говорит, никакой проверки не было. И пожарные к ним не приезжали.

— Возможно, Тамара просто перепутала день или объяснила перенос по-своему.

— Может быть. Но зачем она тогда предложила моему мужу не торопиться с заявлением о пропаже? Сказала, коробки найдутся к концу недели.

Я ничего не ответила. Имена и даты снова сходились на Тамаре. Ответа всё ещё не было. И всё-таки отмахнуться от совпадений не получалось.

— Дарья, пожалуйста, повторите Рощиной именно эти слова. Не то, что вы предполагаете, а то, что слышал муж.

— Хорошо.

Я уже собиралась завершить разговор, когда Дарья добавила:

— И ещё. В чате всё пишут, что Тамара — святая. Я тоже так думала. Только знаете, в чём дело? Человек, который ничего не знает о пропаже, обычно не обещает, что ноутбук найдётся ровно к пятнице.

Вечером дома Пуговица с увлечением пытался вытащить из корзины чужую перчатку. В отличие от жильцов Лесной, восемнадцать, пёс и не пытался придумать приличное объяснение своим намерениям.

Я вернула перчатку на место и открыла рабочий блокнот.

В блокноте осталось четыре вопроса:

Кто переносил чужие доставки? Где коробка с сиреневой лентой? Зачем Елена искала ключ от второго технического шкафа? И на что могла решиться Тамара, если ей действительно пригрозили разоблачением?

Глава 7. Кто поставил лайк покойнице?

Воскресный дождь был мелким и настойчивым. С виду пустяк, а через десять минут под воротником уже стояла вода.

Пуговица оценил дождь как личное оскорбление. На улицу он вышел бодро, но через пять минут потребовал вернуться домой, засунув мокрую морду мне в ладонь. Я сообщила, что ради уважения к собачьему здоровью мы всё-таки дойдём до парка. Пёс поплёлся к парку так, будто отбывал обязательные исправительные работы.

Павел держал поводок.

— Мне кажется, он обиделся на меня, — сказал он.

— За что?

— Я вчера убрал со стола тарелку, которую он изучал.

— Он изучал остатки котлеты.

— Возможно, хотел проверить качество.

— Проверять качество у него получается лучше, чем соблюдать диету.

Мы дошли до небольшой кофейни. Собак пускали только на открытую веранду, поэтому сели под навесом, заказали чай и булочки. Пуговица немедленно лёг так, чтобы занять проход одновременно к двум столикам. Официантке пришлось обходить его как дорожное ограждение.

О фотографии, исчезнувшей коробке и разговоре с Игорем я рассказала Павлу без подробностей следственных действий. Он слушал, изредка поглядывая на поводок.

— Ты опять хмуришься, — заметил он.

— Не хмурюсь. Просто пытаюсь понять, когда сообщение стало сообщением.

— Именно это выражение у меня вызывает тревогу.

— Скажи, если человек написал сообщение утром, а отправку назначил на десять вечера, в чате отобразится десять?

— Да. Увидят время отправки, а не момент, когда он набирал текст.

— А если сообщение набрал кто-то другой, получив доступ к телефону?

— Тогда тоже возможно. Но эти две версии проверяют по-разному. И не тебе одной их проверять.

Он говорил спокойно, без назидания. Мне нравилось, что Павел не пытался ответить за следствие. Хотя рядом с его спокойствием я сама иногда чувствовала себя слишком громкой.

— Я просто не люблю, когда один экран объявляют доказательством, — объяснила я.

— Вот это хороший принцип. Применяй его и к сообщениям бывшего мужа.

Я расхохоталась.

— Если Андрей вдруг напишет, что забыл забрать куртку, я не стану требовать экспертизу телефона. Я просто вынесу куртку.

— Договорились.

Павел протянул мне салфетку. Она лежала между нами ровная, аккуратная, совершенно не помятая. Мне вдруг стало тепло: Павел всегда замечал такие мелочи. Даже когда разговор у нас шёл о чужой беде.

* * *

Вернувшись домой, я открыла домовой чат. Воскресенье не помешало жильцам провести сразу три заочных собрания.

Одно посвятили цветам в холле. Второе — тому, кто оплачивает замену лампы в тамбуре. Третье, самое жаркое, касалось реакций на сообщения Елены Гавриловой.

Кто-то поставил её последнему объявлению сердечко. Вадим Колесников возмутился: «Человек умер, а вы сердечки лепите». Ему ответили, что сердце означает уважение. Затем кто-

то прислал красную розу, после чего разгорелся спор, является ли роза рекламой цветочного магазина.

Я перечитала сообщение Елены от вторника, отправленное в 22:17.

«Завтра в 18:00 я напишу фамилию человека, который забирает чужие посылки. С доказательствами. Не пытайтесь меня переубедить».

Вечером вторника Елена держала красную папку и собиралась действовать. Вполне могла заранее подготовить текст, чтобы к десяти вечера все жильцы получили предупреждение. Но доступ к аккаунту мог получить и кто-нибудь другой.

На экране обе версии выглядели одинаково.

В чате появился новый комментарий от Алёны: «Пожалуйста, прекратите обсуждать способ отправки сообщений. Следствие устанавливает обстоятельства».

Ответ Вадима пришёл через десять секунд: «А если я хочу знать, кто поставил лайк покойнице?»

Я закрыла приложение. После смерти Елены чат превратился в кастрюлю, с которой сорвали крышку: ничто больше не мешало соседям кипеть круглосуточно.

Позвонила Катя.

— Я вернула платье, — сказала она с торжеством.

— Поздравляю с победой над торговлей.

— И купила другое.

— Ты непобедима.

— Оно подходит. И у меня есть план, как заставить тебя отдохнуть.

— Неужели ты собираешься запереть меня в шкафу?

— Нет, в шкафу ты непременно найдёшь улику. В четверг у нас будет вечер без преступлений. Кино или ресторан. Выбирай.

— Я подумаю.

— Вот видишь, даже отдых ты согласовываешь с собой, как чужое имущество.

После разговора я убрала телефон. Мне хотелось хотя бы до четверга прожить без новых известий из дома восемнадцать.

Но уже через полчаса в дверь позвонили.

На пороге стоял Игорь Самойлов.

Без курьерского рюкзака, зато с таким лицом, будто приехал сдавать экзамен, к которому совершенно не готовился.

— Извините, — сказал он. — Я ваш адрес у Алёны узнал. Она сначала не хотела говорить, но я объяснил, что по делу.

Я не обрадовалась. Неизвестный отправитель уже предупреждал меня о фотографиях, а теперь один из жильцов стоял у меня на пороге. Отдельно надо будет поговорить с Алёной: домашние адреса не выдают посторонним только потому, что они произнесли слова «по делу».

— Игорь, если вы знаете что-то по делу о пропаже посылок, вам нужно обратиться к Рощиной.

— Обращался. И ещё обращусь. Можно две минуты? Прямо здесь, в подъезде.

Я вышла на площадку, оставив входную дверь приоткрытой. Пуговица молча наблюдал за нами из прихожей, не сводя глаз с гостя. В таких случаях его сорок три килограмма были убедительнее любого домофона.

— Это я написал вам с незнакомого номера, — произнёс Игорь.

— Про фотографии?

Он кивнул.

— Симку взял рабочую, временную. Испугался, что вы покажете всем снимок коробки. Я видел фотографию у Алёны. Узнал мамину сиреневую ленту — и решил, что вы всё поняли.

— Почему не представились?

— Потому что вы бы сразу сказали про меня следователю.

— Теперь всё равно скажу. Если вы согласны, можно вместе позвонить ей прямо сейчас.

Он глухо засмеялся.

— Вы со всеми так?

— С людьми, которые приходят ко мне домой после анонимных предупреждений, да.

Игорь провёл ладонью по волосам.

— Я передавал маме несколько коробок. Доставка была обычная, оплаченная. Иногда клиенты просили оставить у консьержа, иногда сами звонили ей: «Тамара Аркадьевна, примите до вечера». Я думал, она всё отдаёт хозяевам. А теперь выясняется — не всё дошло.

— Например, ноутбук Крыловых?

Он покачал головой.

— Про ноутбук я узнал уже после. Мама утверждала, что всё отдала на следующий день. И я поверил. А Елена сказала, что у неё есть наклейки и записи и что она выведет меня на чистую воду. Я тогда ещё рассердился: решил, она просто хочет устроить скандал.

— Вы говорили с Еленой после собрания?

— Нет. Увидел её, но не подошёл. Мне надо было на склад. Я уехал от дома около девяти.

Я вспомнила, что видела его в холле в без десяти девять. Точное время следовало проверять, но его слова моей памяти не противоречили.

— А когда вернулись к матери?

Игорь отвёл взгляд.

— Это уже следователь спрашивала.

— Игорь, я не ищу способ вас обвинить. Но у человека, который отправлял мне угрозы, сейчас есть возможность перестать скрываться за чужим номером.

Его лицо посерело.

— Я написал глупость. Испугался за маму. Она больше всех старалась. А теперь все говорят так, будто она должна отвечать за каждого курьера.

— Напишите объяснение Рощиной. Вы ведь не хотели, чтобы я воспринимала вас как человека, который скрывается?

Он медленно кивнул.

Мы вместе позвонили следователю. Игорь назвал себя, коротко объяснил, зачем приехал, и согласился явиться утром для дополнительного разговора. Когда он ушёл, я закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. Пуговица ткнулся носом мне в ладонь.

Отправитель сообщений теперь был известен.

Но вопрос, которого Игорь так старательно избегал, оставался без ответа.

Почему Игорь уклонился от ответа о времени своего возвращения — и зачем Тамара говорила, что они весь вечер пили чай?

Глава 8. В квартире напротив

В понедельник после обеда мне позвонила Вероника Петровна, женщина со скрипичными нотами, которая ещё во вторник возмущалась самоуправством Тамары.

— Софья Андреевна? Меня Алёна посоветовала к вам обратиться. У меня дома два шкафа с нотами и старыми бумагами. Не могли бы вы помочь разобрать? Я оплачиваю работу, разумеется.

— Могу. Но вы же знаете, что у вас в доме ещё идёт расследование?

— Знаю. Поэтому в общую кладовую ни ногой. Мне свои вещи нужны. Скоро приезжает внучка, а я не хочу, чтобы она спала на коробке с этюдами Черни.

Последняя причина показалась мне достаточно уважительной. Я уточнила, не относятся ли документы к пропавшим доставкам, и предложила работать только с личными вещами, не связанными с общим имуществом.

Вероника согласилась.

Перед поездкой я предупредила Рощину, что поеду в тот же дом, но к частной заказчице. Она попросила не обсуждать материалы дела — и я пообещала заниматься только шкафами.

В моём представлении это было совершенно справедливо. Люди нанимали меня разбирать шкафы, а не организовывать домашние допросы. К тому же чужие альбомы с нотами сами себя не разберут.

* * *

Квартира Вероники Петровны была прекрасна в том смысле, в каком прекрасны помещения, где книги постепенно отвоёвывали жизненное пространство у мебели.

На столе лежала партитура. На подоконнике стояли два фикуса. Возле дивана — футляр со скрипкой, а на стене висела фотография девочки с музыкальным инструментом размером почти с неё.

— Это моя внучка, — сказала хозяйка. — Ей семь. Говорит, в школе хочет играть на барабанах. Я пока надеюсь, что это пройдёт.

— Почему?

— Я тридцать лет преподавала скрипку. В моём возрасте барабаны могут оказаться последней каплей.

Мы распределили бумаги по четырём категориям: оставить, передать ученикам, отправить в архив и утилизировать. Вероника оказалась редкой заказчицей: не спорила о каждом старом листке и без сожалений отправляла в макулатуру ноты с выцветшими пометками.

За два часа мы разобрали одну полку и обнаружили коробку с теми самыми чеками, из-за которых она спорила с Тамарой.

— Так вот они где! А Тамара уверяла, что отнесла коробку в макулатуру, — удивилась хозяйка, перебирая бумаги.

— Значит, хотя бы одна семейная трагедия сегодня отменяется.

— Да. Хотя я всё равно на неё сержусь. Человек может быть добрый, но это не даёт ему права распоряжаться моими коробками.

Она отложила квитанции и принесла чай. Когда мы вынесли пакет с макулатурой на площадку, я заметила две двери напротив друг друга и небольшое зеркало возле лифта. В нём удобно было поправить причёску перед тем, как открывать дверь соседям.

— Тамара Аркадьевна здесь живёт? — спросила я, заметив на соседней двери венок из искусственной лаванды.

— Напротив. Квартира семьдесят четыре. Я семьдесят третья. Стены у нас такие тонкие, что я знаю, когда её сын опять поругался с девушкой.

— Он часто бывает?

— В последние месяцы почти каждый день. То коробки привозит, то уносит. Говорит, матери помогает. Я не заглядываю в сумки, просто когда он приезжает, лифт занят надолго.

Я собрала найденные чеки в отдельную папку и передала её хозяйке. На этом сортировку закончила: дальше мои обязанности не простирались.

— Ой, — произнесла Вероника. — Я ведь хотела спросить у вас кое-что. Вы во вторник на собрании до конца были?

— Да, почти до девяти.

— Елена тогда грозилась назвать виновного. Страшно всё это. Я утром, когда узнала, даже подумала: может, видела что-то важное, а не поняла.

Я посмотрела на неё.

— Если у вас есть воспоминания о том вечере, лучше расскажите следователю. Она умеет отличать существенное от случайного.

— Я сказала, что на лестнице внизу ничего не слышала. Но кое-что видела у себя на этаже и не сообразила, что это может иметь значение.

Вероника помолчала и поправила край салфетки на столе.

— У меня по вторникам урок по видеосвязи. Ученица из другого города, девочка хорошая, только всё время забывает держать смычок. Начинаем в девять тридцать, заканчиваем около десяти. В тот вечер у неё пропал звук. Звук пропал примерно без десяти десять, девочка писала мне в мессенджере. Пока она переподключалась, я вышла за водой.

— И?

— Услышала, как у соседей закрылась дверь. Посмотрела в глазок. Тамара вернулась с улицы.

Я поставила чашку и спросила как можно спокойнее:

— Вы помните, сколько было времени?

— Не точно. Может, без десяти десять. Или около того. Урок ещё шёл, но мы прервались. В журнале занятий запись есть.

— А Игорь был с ней?

— Нет. Она шла одна. Потом, уже ближе к половине одиннадцатого, я слышала, как снова открылся лифт. Наверное, Игорь пришёл. Но его я не видела — только слышала дверь лифта.

Вероника посмотрела на меня внимательно.

— Вы думаете, это важно?

— Думаю, это стоит рассказать Рощиной. Особенно если вы раньше не называли время возвращения Тамары.

— Я боялась напутать. Тамара ведь после смерти Елены ходила сама не своя. Я подумала, что нехорошо про неё говорить без надобности.

Я хорошо понимала это чувство. Вероника не хотела навредить знакомой женщине. Из таких вполне понятных опасений важные сведения иногда остаются непроизнесёнными.

— Вы не обвиняете её, — сказала я. — Вы просто рассказываете о том, что видели.

— Это вы, молодые, так спокойно рассуждаете.

Мне сорок один год, и слово «молодые» я приняла с благодарностью, хотя не без сомнений.

* * *

Перед уходом Вероника показала мне альбом с фотографиями прежних праздников дома. Она собиралась разобрать его до приезда внучки. Там были снимки новогодних праздников, юбилеев, первых субботников. На одной фотографии Елена Гаврилова ещё улыбалась в компании Тамары — обе сидели за столом с бумажными стаканчиками и домашним пирогом.

— Смотрите, — сказала Вероника. — Они ведь раньше дружили. А потом из-за этих посылок совсем перестали разговаривать по-человечески.

— Давно поссорились?

— Весной. Тамара всё чаще собирала вещи для приюта, а Елена требовала отчёты, куда что увозят. Они даже на собрании ругались. А потом перестали даже за одним столом чай пить.

Я перевернула страницу. На следующем снимке Тамара стояла возле длинного стола, на котором были свалены свёртки и пакеты. На каждом — наклейка с колокольчиком. Сиреневую ленту на снимке не разглядеть: фотография была сделана издалека.

— Это благотворительная ярмарка? — спросила я.

— Да. В мае. Хорошее дело, деньги собирали. Только Елена потом сказала, что половину коробок никто не мог найти. Я решила, что они уже ушли по назначению.

— А кто их вывозил?

— Игорь с приятелем. На грузовом фургоне. Может, всё и отвезли по адресу. Я сама не проверяла.

Я была благодарна ей за эту оговорку: пока никто не мог утверждать, куда уехали майские коробки.

В дверях Вероника вспомнила ещё кое-что.

— Софья Андреевна, вы говорили, у Елены была красная папка?

Я остановилась.

— На собрании видела. Потом сообщила об этом полиции.

— А она большая была? На резинке?

— Обычная канцелярская папка, тонкая, красная. Да, на резинке.

Вероника побледнела.

— Постойте. У Тамары в тот вечер была какая-то красная папка. Тонкая, на резинке. Я подумала, она бумаги для благотворительности носит. А когда полицейские спрашивали про Елену, даже не вспомнила.

— Вы уверены, что это была именно папка Елены?

— Нет. Я не рассмотрела как следует. Видела цвет и резинку. Она прижимала её к боку под кардиганом. И торопилась. Обычно Тамара на площадке останавливается поговорить.

У меня пересохло во рту. Рассказ Вероники складывался с другими обстоятельствами, но точного совпадения папок она не видела. Стоило удержаться от той ошибки, в которой я весь день подозревала соседей: от уверенности до проверки.

— Вероника Петровна, — попросила я, — давайте вы сейчас позвоните следователю. Если хотите, я останусь рядом. Расскажите ей всё, что помните, своими словами.

Она кивнула и достала телефон.

Рощина выслушала её внимательно, несколько раз уточнила время урока и спросила, сохранилась ли запись соединения с ученицей. Вероника пообещала проверить журнал и переписку.

Когда разговор закончился, мы обе некоторое время молчали.

— Неужели Тамара могла… — прошептала она и умолкла.

— Не знаю, — ответила я. — И сейчас лучше не пытаться угадать.

На лестничной площадке за дверью послышался тихий звук ключа.

Вероника машинально посмотрела в глазок.

— Тамара пришла, — прошептала она.

В эту секунду мой телефон завибрировал.

Сообщение было от Рощиной:

«Софья Андреевна, вы ещё у Вероники Петровны? Пожалуйста, оставайтесь в квартире. К вам подойдёт мой сотрудник для уточнения фотографий».

Я показала экран хозяйке.

— Что случилось? — спросила она.

— Пока ничего нового, — ответила я.

Я сказала это спокойно, хотя очень надеялась, что ошибиться мне не придётся.

Глава 9. Последнее предупреждение

За дверью Вероники Петровны послышался негромкий стук. Тихий, почти домашний — так стучат соседи, которые заходят друг к другу годами.

— Верочка, ты дома? — спросил знакомый женский голос. — Я тебе пирог принесла. С капустой, как ты любишь.

Я посмотрела на хозяйку. Вероника Петровна побледнела и вдруг очень крепко ухватилась за спинку стула.

— Это Тамара, — прошептала она.

Я и сама догадалась. Человек, который неделю назад представлялся мне символом общедомовой доброты, теперь стоял на расстоянии двух метров от нас с пирогом. Пирог с капустой не входил в число причин, ради которых мне хотелось сейчас открывать дверь.

На экране моего телефона по-прежнему светилось сообщение Рощиной: «Оставайтесь там».

— Не открывайте, — тихо сказала я. — Вы никому ничего не должны объяснять.

— Она подумает, что я обиделась.

— Сейчас это не самая большая наша проблема.

Тамара постучала ещё раз.

— Верочка? Я слышала, у тебя гости. Думала, чай попьём.

Тонкие стены девятого этажа работали исправнее домофона. Тамара вполне могла услышать наши голоса.

— Не сегодня, Тамара! — громко ответила хозяйка. — У меня работа!

— Ну как скажешь. Я у себя, если что.

Удаляющиеся шаги затихли. Через минуту хлопнула соседняя дверь.

Вероника Петровна села.

— Как же нехорошо получилось. Она ведь мне после операции суп носила. И лекарства покупала.

— То, что она вам помогала, никто не отменит. Но сейчас лучше не открывать.

Мне самой эта мысль не нравилась. Я вспомнила Тамарин чай, контейнер с печеньем и её руки, которыми она ловко завязывала пакеты. Подозрение не стирало того хорошего, что Вероника о ней помнила. И всё же дверь мы не открыли.

Через семь минут позвонили уже иначе — коротко и отчётливо.

— Полиция. Капитан Мартынов. Ольга Васильевна предупредила, что я подойду.

Мы проверили удостоверение. В квартиру вошёл высокий мужчина в тёмной куртке, с мокрым воротником и блокнотом, с измятой обложкой и металлической пружиной, торчавшей сбоку. Представился Сергеем Викторовичем.

— Вероника Петровна, спасибо, что согласились ещё раз рассказать о вторнике, — сказал он. — Мы уточним то, что вы помните, и зафиксируем отдельно. Софья Андреевна, от вас нужны оригинальные фотографии кладовой. Особенно первые кадры, до сортировки.

— Они уже у Рощиной.

— Да. Мы хотим убедиться, какие снимки были сделаны до того, как жильцы начали переносить вещи. Копии у нас есть, но вы лучше объясните порядок съёмки.

Я достала телефон. У всякого ремесла свои маленькие радости. У моего — подробные фотографии того, что другим людям кажется хламом. Не думала, что когда-нибудь буду объяснять по снимкам, где стояла коробка с мячами, в присутствии сотрудника полиции.

Мартынов попросил открыть несколько кадров. На первом был вход в кладовую. На втором — стеллаж со старой коляской. На третьем — верхняя полка, коробка с сиреневой лентой и серый настенный ящик с номером «2».

— Вот этот, — сказал он.

— Я сама ничего на полке не двигала. А во вторник до неё не дошла. Коробку видела только на снимке.

— И когда заметили ленту?

— В четверг, когда следователь попросила исходники. Дату сообщения с неизвестного номера вы тоже знаете.

Он записал мои слова, а затем попросил назвать людей, которые могли видеть изображение до того, как неизвестный написал мне. Я назвала Алёну, Рощину и Игоря Самойлова, которому Алёна показывала снимки со своего телефона.

— Я не утверждаю, что коробку переместил Игорь, — добавила я. — Он признался только в сообщении.

— Понял. Это важно разделять.

Вероника Петровна тем временем нашла журнал уроков. Во вторник занятие по видеосвязи действительно началось в девять тридцать. В девять сорок семь ученица прислала сообщение: «Звука нет, перезайду». В девять пятьдесят четыре написала: «Теперь слышно».

— Я вышла за водой в тот промежуток, — сказала Вероника. — Вернулась — сообщение уже было, но девочка ещё не подключилась. Получается, я увидела Тамару между 21:47 и 21:54. Точнее не скажу.

— И она шла одна?

— Одна. Папка красная была, тонкая. Но разглядеть, чья она, я не могла.

— Вы видели её лицо?

— Вполоборота. Это точно Тамара. Я с ней напротив двадцать лет живу.

Мартынов уточнил, с какой стороны она шла, как была одета и в какой руке держала папку. Вероника не на всё ответила уверенно. Её «не помню» не раздражало. Наоборот: Вероника хотя бы не пыталась выдумать недостающие подробности.

— А почему раньше не сообщили про папку? — спросил капитан.

— Потому что у Тамары своих папок хватало. Она у нас то на благотворительный вечер список собирает, то рецепты переписывает. Я думала, обычная папка. Только когда Софья сказала, что у Елены была красная, вспомнила.

Мартынов не стал делать выводов при нас.

— Спасибо. Возможно, детали придётся уточнить ещё раз. А пока прошу ничего не пересказывать соседям, особенно в чате.

— А скажите, — вдруг спросила Вероника Петровна, — если человек пришёл домой в десять без десяти, это ведь ещё не означает, что он кого-то убил?

Мартынов закрыл блокнот.

— Не означает. Мы проверяем не только время и не только показания одного человека.

— Вот и хорошо. А то я уже пожалела, что вспомнила.

— Вы вспоминали для того, чтобы помочь установить обстоятельства, — сказал он. — Не для того, чтобы вынести приговор соседке.

Мне понравился его ответ. И не только потому, что собственные слова, сказанные Веронике час назад, наконец получили поддержку от человека с удостоверением.

Вероника вздохнула, выключила телефон и убрала журнал уроков в ящик. Пальцы у неё всё ещё дрожали.

Когда он ушёл, хозяйка проводила меня до лифта и вдруг взяла за руку.

— Соня, вы ведь не думаете, что она Елену нарочно…

— Вероника Петровна, я стараюсь сейчас вообще не додумывать за следствие.

— А мне страшно. Я двадцать лет ей дверь открывала.

Я сжала её пальцы.

— Сегодня вам не нужно ни оправдывать Тамару, ни обвинять. Вы сделали то, что могли: рассказали, что видели.

На улице пахло мокрыми листьями и бензином. Люди с пакетами спешили к автобусу, возле киоска спорили о сдаче. Для них дом восемнадцать оставался самым обычным кирпичным зданием. От этой будничности стало не по себе: за его дверями уже успели разрушиться несколько чужих жизней.

* * *

В офис я вернулась ближе к вечеру. На столе лежал счёт за интернет, два неразобранных договора и записка Кати: «Купи приличный чай. Твой пахнет спасением пенсионеров от простуды».

Я налила именно этого чая. Принципиально.

Позвонила Алёна.

— Софья Андреевна, простите, что беспокою. Я узнала, что полиция ещё раз опрашивает соседей. Это потому, что нашли убийцу?

— Не знаю. Мне ничего подобного не говорили.

— А чат решил, что задержали Вадима. Он с утра не отвечает.

— Может, человек работает.

— Вадим? В разгар рабочего дня?

— Даже Вадим способен однажды удивить соседей.

Она устало засмеялась.

— Слушайте, я вспомнила одну странность. Елена в тот вечер попросила меня проверить, кто отвечает за второй технический шкаф. Я сказала, что ключи у Надежды Петровны и у неё самой. Она возразила: «Если бы всё было так просто, вещи не исчезали бы». И ушла к служебному коридору.

— Вы рассказали это Рощиной?

— Сейчас же рассказала. Она попросила объяснить, почему я не сказала раньше. А я ведь не понимала, о каких вещах речь. У нас в том шкафу по описи только инструменты и запасные лампочки.

— Значит, кто-то мог использовать его для другого?

— Похоже. Только не записывайте меня в специалисты по преступлениям. У меня даже с лампочками проблемы.

Я закрыла блокнот и задумалась. Серый ящик с двойкой на стене кладовой оказался хранилищем ключей. А второй технический шкаф, о котором Елена спрашивала после собрания, стоял за дверью служебного коридора. Я поначалу связала их одним номером. Теперь становилось ясно: её интересовал не ящик с ключами, а помещение, в которое эти ключи могли вести.

Вечером пришёл Павел. Не с готовым супом и не с наставлениями, а с пакетом яблок и виноватым видом.

— У меня полчаса, — сообщил он. — Потом на работу.

— А яблоки зачем?

— Ты вчера сказала, что дома совсем нет фруктов.

— Я говорила, что у нас нет ничего, чем можно накормить Пуговицу без чувства вины.

— Вот. Думал, яблоки подойдут.

Из коридора донёсся стук. Пёс, услышав собственное имя, уже пытался открыть кухонную дверь носом.

— Павел, ты очень быстро переходишь на сторону противника.

Он улыбнулся, но, заметив моё лицо, сразу посерьёзнел.

— Что случилось?

Я рассказала только о своём рабочем дне и о том, как свидетельница вспомнила красную папку. Деталей, которые просили не обсуждать, не касалась. Павел выслушал и поставил яблоки на стол.

— Совсем замучилась, Соня?

— Сильно заметно?

— Ты два раза сказала «не знаю» и ни разу не пошутила про соседский чат.

— Вот это действительно тревожный симптом.

Он обнял меня и молча подождал, пока я перестану напряжённо держать плечи. Как хорошо, что у нас с Павлом были вечера, когда не нужно было ничего объяснять.

За его спиной Пуговица бесшумно снял одно яблоко с нижнего края пакета.

— Следственный эксперимент уже начался, — сказала я.

Павел оглянулся.

— Он хоть знает, что яблоко надо есть без сердцевины?

— Он не знает даже, что это яблоко ему не принадлежит.

Мы отобрали добычу и выдали ему разрешённый кусочек. Кухня снова стала кухней: холодильник гудел, Павел резал яблоки, а Пуговица обижался, что половину добычи у него конфисковали.

* * *

Во вторник утром мне позвонила Дарья Крылова. Голос у неё дрожал, но на этот раз от волнения другого рода.

— Нам позвонили из полиции. Попросили принести документы на ноутбук, всю переписку о доставке. Говорят, есть шанс найти его.

— Это хорошая новость.

— Я не хочу радоваться раньше времени. Сын уже спрашивает, почему я снова распечатываю чеки.

— А вы что ему ответили?

— Что мама, возможно, перестанет ругаться на картонные коробки.

Она впервые за время нашего знакомства засмеялась.

Потом добавила:

— Знаете, Елена Сергеевна мне тоже говорила: «Не волнуйтесь, я найду». Я тогда рассердилась. Решила, она хочет всех построить и наказать. А она действительно пыталась помочь.

Я помолчала. Елена умела довести соседей до белого каления. И всё же, пока остальные обсуждали чужие характеры, она собирала даты и фотографии, пытаясь вернуть пропавшие вещи.

— Иногда люди делают полезные вещи очень неудобным способом, — ответила я.

После разговора я открыла рабочую папку. Под рукой оказались фотографии кладовой, на которых всё выглядело бессмысленной грудой имущества. Я привыкла думать о такой груде как о будущем порядке. Теперь на каждой коробке мне чудилась чья-то фамилия и чей-то несостоявшийся день рождения.

В половине двенадцатого снова позвонила Рощина.

— Софья Андреевна, вам удобно подъехать в отдел завтра к десяти? Мы хотим уточнить последовательность ваших действий во вторник: когда вы в последний раз видели Елену Сергеевну и что именно она сказала про коробку.

— Удобно. Блокнот привезу.

— Спасибо. И ещё: если кто-нибудь из жильцов обратится к вам с просьбой забрать или передать чужие вещи, пока откажитесь.

— Я уже начинаю думать, что моей фирме пора менять профиль. На сортировку собственных неприятностей.

— Не советую, — сухо отозвалась Рощина. — Очередь на разбор неприятностей у нас не кончается.

Я улыбнулась. Кажется, мы обе понемногу привыкали к голосам друг друга.

В этот момент пришло сообщение от Игоря Самойлова.

«Я больше не хочу врать. Я сегодня рассказал следователю про вторничный вечер. Мама меня просила кое-что забрать. Я испугался и не приехал. Простите, что не сказал сразу».

Я перечитала дважды. Написала только: «Спасибо, что сообщили правду. Дальше разговаривайте с Ольгой Васильевной».

Игорь ответил почти сразу:

«Думаете, теперь маму посадят?»

Над этим вопросом не получалось шутить.

«Этого я не знаю», — написала я.

Игорь боялся не только обвинения. Ему предстояло допустить мысль, что мать, которой он верил с детства, могла скрыть от него самое страшное.

Последним пришло ещё одно сообщение:

«Она позвонила мне во вторник в 21:36. Велела приехать с машиной к служебному входу. Сказала, у неё тяжёлая коробка. Я был на складе и не поехал. Потом она уверяла, что весь вечер сидела дома».

Я положила телефон экраном вниз.

В 21:36 Тамара просила сына подъехать к служебному входу за тяжёлой коробкой. А позднее говорила, будто весь вечер провела за чаем дома. Эти два обстоятельства уже нельзя было примирить одним недоразумением.

Но главного ответа всё ещё не хватало.

Что именно произошло между ней и Еленой на служебной лестнице — и почему Елена оттуда уже не вышла?

Глава 10. Администратор больше не отвечает

В среду, ровно через неделю после смерти Елены Гавриловой, я проехала три станции метро, так и не открыв домовой чат.

Причина была проста: в одной руке у меня папка с записями, другой я держалась за поручень. Для телефона третьей руки не нашлось.

В отделе меня встретила Рощина. На её столе стояли чашка с остывшим кофе и настольный календарь, открытый на прошлой неделе. Вид у следователя был невыспавшийся, но по-прежнему собранный.

— Давайте ещё раз по порядку, — предложила она.

Я рассказала, как во вторник в двадцать пятьдесят простилась с Еленой возле лифта. Как она попросила меня утром посмотреть коробку со странной наклейкой. Как при виде Игоря сжала красную папку. И как позднее я увидела её вопрос про ключ от второго технического шкафа.

Рощина уточнила отдельные слова, попросила показать запись в блокноте, несколько раз сверила время.

— Вы не видели, чтобы Елена кому-то передавала папку?

— Нет.

— Чтобы Тамара брала её у неё?

— Тоже нет.

— И лично не видели ни ссоры после собрания, ни событий на лестнице?

— Нет. Я к тому времени уехала.

Рощина кивнула. Отрицательные ответы она записывала с тем же вниманием, что и остальные. Мне это нравилось: я не хотела ни присвоить себе чужое расследование, ни дать кому-то повод сделать лишний вывод.

— Могу я спросить? — сказала я. — В домовом чате до сих пор спорят, написала ли Елена сообщение в двадцать два семнадцать сама.

— Мы это проверили, — ответила следователь. — Проверка телефона и аккаунта показала, что сообщение Елена запланировала ещё до вечера вторника. Сами по себе часы его появления ничего не говорят о том, была ли она жива в десять вечера.

Я вспомнила Павла с его спокойным «две версии проверяют по-разному». С ним у нас ещё будет разговор о том, как невыносимо спокойно он бывает прав.

— А сообщение в двадцать один восемнадцать?

— Оно отправлено в ходе того вечера. Подробности проверки я обсуждать не буду. Для вас достаточно знать: вы правильно указали его в объяснении.

Значит, в 22:17 чат услышал голос Елены уже без её участия. Она рассчитывала прожить до следующего дня и рассказать соседям то, что выяснила. От этой простой мысли стало особенно горько.

У дверей я задержалась.

— Ольга Васильевна, а она могла погибнуть случайно?

Следователь не стала отвечать сразу.

— Вопрос о характере повреждений и обстоятельствах смерти исследуется. Уже есть основания считать, что это не обычное падение с лестницы. Но окончательные выводы должны опираться на заключения специалистов и совокупность доказательств.

— Понимаю.

— И прошу вас, Софья Андреевна, не пытайтесь выяснять подробности у жильцов. Вы сделали достаточно.

Я вышла с неприятным чувством. Рощина не сказала больше того, что могла. Мне оставалось принять это и перестать искать ответы в чужом чате.

* * *

На следующий день Алёна Новикова пришла ко мне в офис. Впервые без двух папок под мышкой. Вместо них принесла маленький пакет печенья, купленного в магазине.

— Не Тамариного, — пояснила она, заметив мой взгляд. — Теперь у нас в доме к домашней выпечке относятся подозрительно. Даже Надежда Петровна спрашивает, кто тесто замешивал.

— Надеюсь, скоро люди успокоятся.

— Очень на это рассчитываю. Меня вчера три часа расспрашивали о ключах, а сегодня пришлось объяснять жильцам, почему мы всё ещё не начали ремонт. Я уже подумываю переехать в дом без соседей.

— Тогда выбирайте избушку без лесничества, — посоветовала я. — А то и там придётся собирать жильцов.

Алёна положила пакет на стол и неожиданно спросила:

— Вы уже знаете, что Тамару задержали?

— Нет. Мне никто не сообщал.

— Её вчера увезли из дома после следственных действий. Я сама видела. Игорь сидел на лавочке и плакал. Понимаю, что всё это серьёзно, но не могу поверить, что речь о нашей Тамаре Аркадьевне.

— А что говорят официально?

— Следователь разрешила сказать жильцам только, что проверяются обстоятельства смерти и хищений. Подробности — не дело домового чата.

— Может, хоть один день жильцы не станут проводить собственное расследование.

Алёна усмехнулась, но тут же снова стала серьёзной.

— Дарье Крыловой сообщили, что среди найденных вещей есть упаковка с похожей маркировкой. Теперь сверяют номер и документы. Она не спала всю ночь.

Я вспомнила маленькую синюю звёздочку на транспортной наклейке. Дарья могла надеяться, но пока ещё не знала, вернётся ли ноутбук к сыну. Синяя звёздочка давала надежду, но ещё не возвращала ребёнку его подарок.

— А красная папка? — спросила я.

— Рощина мне не говорила, что нашли. Но, кажется, Елена оказалась права насчёт посылок. Она ещё за день до смерти прислала мне список подозрительных доставок и просила никому его не показывать, пока не сверит фотографии. Я тогда только пробежала глазами. После случившегося переслала следователю.

Я подняла голову.

— Вы раньше не говорили про этот список.

— Потому что забыла! В почте за неделю набирается сотня писем. Елена присылала мне списки по любому поводу. Этот я увидела, пробежала глазами, отложила на потом.

— Надеюсь, теперь хотя бы научитесь сортировать почту.

— После этой истории? Я хочу сжечь компьютер и переехать в лес.

Она помолчала, потом добавила:

— Знаете, что особенно противно? Теперь вспоминаю, как во вторник Тамара подходила ко мне с вопросом, не успела ли Елена сделать копии наклеек. А я тогда решила, что она переживает за Игоря. Может, и переживала. Только почему я не спросила, откуда ей известно про копии?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.